

ударом', и эти противоположные значения способны объединяться, ср. диал. *обráзítъ* 'обрабатывая, придать нужную форму'. Семантика производящего *разítъ* и родственного ему *резатъ* позволяет определять исходное значение как 'придавать форму резьбой'.

А. А. Едалина
Новороссийск

«Пищевая тема» в мотивации слов, характеризующих человека по отношению к собственности

Лексика пищевой сферы является одной из самых продуктивных и удобных инструментов познания действительности. Это обусловлено как традиционной значимостью пищи для человека, так и наличием довольно четкой и проработанной структуры, организующей данную лексическую группу. Ситуации проникновения пищевой лексики в сферу обозначений человека многочисленны (см. об этом в работах Г. И. Кабаковой, К. В. Пьянковой, Е. И. Якушкиной, С. М. Толстой, И. А. Седаковой, Е. Л. Березович) – в том числе это характеристики человека по отношению к собственности.

В докладе анализируется семантическое поле «Характеристика субъекта собственности», которое можно разделить на два блока: «Качественная характеристика субъекта собственности» ('скупой', 'жадный', 'корыстолюбивый', 'щедрый', 'бережливый', 'расточительный') и «Характеристика человека по признаку наличия/отсутствия имущественной собственности» ('бедный', 'богатый'). Материалом для анализа стала лексика русских народных говоров.

Качественная характеристика человека по отношению к собственности. Здесь особо подчеркивается такая смысловая линия, как отношение скупца к еде. При характеристике человека актуализируется мотивационный признак «пищевые пристрастия в связи с отношением к собственности». Скупым признается человек, который ограничивает себя в хорошей, вкусной еде из-за чрезмерной бережливости, боязни лишних затрат, включает в свой рацион и отходы (ср. *кише́чник* 'жадный человек, скряга, кто ест кишки, хотя бы мог есть и говядину').

Однако другая крайность – расточительность, проявляющаяся в пищевых излишествах и кутежах. Это качество, как и чрезмерная бережливость, в народной культуре не приветствуется, ср. *сáхар (медович)* 'о том, кто неразумно тратит, проматывает деньги, имущество; мот, расточитель'.

Мотивационные модели, связующие слова с «пищевой» семантикой и лексику поля «Жадность», высвечивают другой набор релевантных признаков. В номинациях отражается поглощение как можно большего количества еды при непреходящем чувстве голода. Акцент на количестве еды представлен, в частности, в слове *жоркий* 'жадный' и др., на чувстве голода – в слове *голода́й* 'испытывающий чув-

ство голода, голодный человек', 'бедный человек', 'ненасытный, прожорливый, жадный человек' и др.

Сферы «Жадность» и «Еда» опосредованно связываются и через область соматики. В номинациях, соотносимых с лексикой, обозначающей физические данные человека, особое внимание уделяется описанию горла, глотки и рта, т. е. тех органов, которые так или иначе участвуют в приеме пищи и ее переработке. Это также свидетельствует о наличии в народном сознании представлений о тесной связи жадности и процесса потребления пищи. Данная линия представлена мотивационной моделью «такой, который активно работает горлом, глоткой» → «жадный» (*глот* 'жадный человек') и др.

Знаменательно использование в качестве мотивирующей основы лексемы *ад*, которая, в отличие от литературного языка, в диалекте имеет значения 'пасть', 'горло', 'глотка', 'рот', ср. *адина* 'об обжоре, жадном человеке'.

Вторая мотивационная модель («такой, который наполнен чем-л., будто орган, связанный с процессом питания») → «жадный») реализуется, к примеру, в номинации *броушина* 'о жадном, прожорливом человеке' и развивает представление о том, что жадный человек стремится «положить» в свой живот максимальное количество еды.

Характеристика человека по признаку наличия / отсутствия имущественной собственности. Представления о богатстве тесно связаны со сферой еды. Наиболее продуктивным при обозначении состоятельного человека оказывается признак наличия еды как таковой, реализуемый номинациями с корнем *ест-//ед-* и др. В качестве дифференциального выступает признак качества еды, реализуемый в модели «имеющий возможность есть хорошую пищу» → «богатый» и представленный, в частности, номинацией *пшеничник* 'о человеке, живущем с достатком (употребляющем в пищу пшеничный хлеб)'.

В народном сознании основными показателями материальной несостоятельности человека являются: 1) отсутствие еды у бедного человека (при наличии таковой у богатого), 2) испытываемое поэтому чувство голода, 3) невозможность позволить себе хорошую, качественную еду. Мотивационные модели, реализующие данные признаки, следующие: «не имеющий еды, пищи в достаточном количестве» → «голодный» → «бедный». Характеристика бедного человека дается также и через указание на употребляемые им некачественные продукты питания. Такой человек не имеет возможности хорошо питаться (к примеру, ест лепешки из мерзлого картофеля, пирожки с начинкой из стеблей дикорастущих растений, пьет только воду, употребляет в пищу куски, огрызки): *водохлёб* 'бедный человек', *окусовало* 'нищенка, бродяжка'.

Следствием отсутствия своей еды у бедного человека является его стремление питаться за чужой счет, кормиться у других людей. Этот мотив (жизнь/питания за чужой счет) оказывается доминирующим в рамках модели «такой, который кормит у других» → «нищий», ср. *покормушка* 'нищий, побирушка'.

Еще один вариант взаимодействия пищевой лексики и характеристик неимущего человека заключается в том, что при номинации бедняка используются слова, означающие пищевые отходы, негодные остатки, ср. *ошбша* 'мусор, отходы, отбросы', 'собирает о пустых, никчемных людях', 'собирает пренебрежительно о бедняках'. Мотивирующим признаком в данном случае становится признак негодности чего-либо.

Таким образом, семантическое поле «пища» можно считать донорским для поля «характеристика субъекта собственности» и признать данную базовую семантическую модель продуктивной и регулярной для анализируемого сегмента лексики.

И. В. Ефименко
Киев (Украина)

Историческая антропонимия Новгородской земли (по материалам «Новгородских записных кабальных книг»). II

Представленный ниже словарный материал является фрагментом этимологического анализа фамильных прозваний новгородцев начала XVII в., проведенного в рамках научной темы «Сравнительное исследование восточнославянской исторической антропонимии (на материале черниговских и новгородских памятников письменности XVII в.)» [см.: Ефименко, 2002; Ефименко, 2004]. В основе этимологизируемых антропонимов прозвищного происхождения (самобытных по своей структуре и семантике) лежат диалектные апеллятивы, большинство из которых восходит к праславянскому слою лексики.

Базанин (Григорья Офонасьев сын *Базанин*, 1602 г., Шелонская пятина) – производное с притяжательным суф. *-ин* от прозвища *Базан(я)* (ср. Олеша *Базан*, 1629 г.). Относительно мотивации антропоосновы ср. рус. диал. (волог.) *базанья*, *базан* ‘крикун, говорун, хвастун’, соотносимые с глаголом *базанить* ‘громко кричать; громко плакать, реветь; шуметь; громко разговаривать; болтать и т. д.’ < прасл. *bazaniti.

Воропанов (Семен Григорьев *Воропанов*, 1604 г., Новгород) – патроним на *-ов* от прозвища *Воропан, которое восходит к праформе *vorpanъ. Относительно гипотетической семантики антропонимной основы ср. генетически родственное блр. *varanai* ‘несообразительный, бестолковый человек’, ‘слепой человек’.

Дубасов (Алексей Копосов *Дубасов*, 1604 г., Бежецкая пятина) – производное с посессивным суф. *-ов* от прозвища *Дубас* (ср. Машко *Дубас*, XVI в.), мотивированного рус. диал. (волог.) *дубас* ‘дурак, балбес, дубина’ < прасл. *dobasъ.

Желлов (Иван Федоров *Желлов*, 1608 г., Новгород) – патроним на *-ов* от прозвища *Желый* или *Желло* (ср. Андрей *Жогла*, 1506 г., Новгород). Изначальную семантику антропоосновы помогают восстановить рус. диал. (курск.) *жёлгий* ‘поджарый, с длинным туловищем, на высоких ногах (о животном)’, (ворон.) *жёлга* ‘очень дерзкая, бранчливая женщина; выскочка’, восходящие к основе прасл. **žegl-*.

Забелин (Григорья *Забелин*, 1602 г., Никифор Темофеев сын *Забелин*, 1602 г., Андрей Меньшого *Забелин*, 1604 г., Бежецкая пятина) – притяжательная форма на *-ин* от прозвища *Забела* (например, Мишута *Забела* Андронов сын, 1491 г., Переяславль).